Автобиография.

Николай Михайлович Амосов

SHOUT
SHARE
IT

- Николай Михайлович Амосов.
  -
  - Заключение.

Николай Михайлович Амосов. Автобиография.

Все предки были крестьяне. Родился 6-го декабря 1913 года. Мама была акушеркой в северной деревне, недалеко от города Череповца. Отец ушел на войну в 1914, а когда вернулся, то скоро покинул семью. Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь. Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство - работать, а одиночество - читать книги. Когда стал пионером, перестал верить в бога и узнал про социализм. (Однако партийная карьера на пионерах закончилась - ни в комсомоле не в партии не был.). Жизнь русской северной деревни познал с детства.

С 12 до 18 лет учился в Череповце, в школе, потом в механическом техникуме, окончил его и стал механиком. Жил бедно и одиноко. Скучал по дому, читал классику.

Осенью 1932 г. начал работать в Архангельске, начальником смены рабочих, на электростанции при большом лесопильном заводе - новостройке первой пятилетки. Работал хорошо. В 1934 году женился на Гале Соболевой и начал учиться в Заочном индустриальном институте. В том же году умерла мама.

В 1935 году, вместе с женой, поступили в Архангельский Медицинский институт. За первый год учения закончил два курса. Все время подрабатывал преподаванием. Близко познакомился с ссыльным профессором физики В.Е.Лашкаревым. Он открыл для меня мир парапсихологии. В 1939 году "с отличием" окончил институт. Хотелось заниматься физиологией, но место в аспирантуре было только по хирургии.

Параллельно с медициной продолжал учение в Заочном институте. Для диплома, по своему выбору, делал проект большого аэроплана с паровой турбиной. Затратил на него массу времени, надеялся, что проект примут к производству. Не приняли, Но зато в 1940 году дали диплом инженера "с отличием".

Между тем, аспирантура в клинике не нравилась, любовь прошла, семейная жизнь надоела, детей не было. Обсудили положение с Галей и решили пожить отдельно.

Уехал из Архангельска, и поступил на работу ординатором - хирургом больницы в родном Череповце. Научился делать обычные операции на органах живота. Интерес к физиологии вылился в размышления над гипотезами о механизмах мышления, о взаимодействии регулирующих систем организма. Тетрадки с "идеями" храню до сих пор.

Сформировались убеждения по политике: социализм признавал, но к коммунистическому начальству относился плохо и в армии служить не хотел. Возможно, повлиял горький опыт семьи, поскольку в лагерях сгинули брат и сестра мамы.

22-го июня 1941 года началась Отечественная война. Работал в комиссии по мобилизации, а через пару дней был назначен ведущим хирургом в Полевой Подвижной Госпиталь ("ППГ-22-66 на конной тяге").

В этом госпитале и в одной должности прослужил всю войну с Германией и с Японией. Госпиталь предназначался для работы в полевых условиях, был рассчитан на 200 раненых. Общий штат - 80 человек, врачей - пять. Плюс 22 лошади.

События войны опишу кратко. Лето и осень 1941 года лечили легкораненых в Сухиничах. В октябре немцы прорвали фронт, и мы отступили за Москву, в город Егорьевск. Там познал первое поражение: умер больной от газовой гангрены в результате моей ошибки. Познакомился с главным хирургом госпиталей А.А.Бочаровым. (Дружба с ним продолжалась до его смерти в 1970 г.)

В декабре 41-го началось наше наступление под Москвой. Госпиталь работал в тылу фронта - в Подольске, а потом в Калуге. Нам увеличили штат, выделили большое здание, число коек достигало пятисот. Была очень напряженная работа с тяжелоранеными. Основные проблемы: газовая инфекция (делали ампутации), ранения суставов и переломы бедра - лечили гипсовыми повязками. Было много смертей и тяжелых душевных переживаний. Тогда же разработал свои методы операций, снизившие смертность. Написал первую диссертацию и представил в Московский мединститут. До того ни одной

диссертации не видел.

В январе 1943 года получили приказ сократиться до штатных 200 коек и отправляться в войсковой район, в 48 армию, на Брянский фронт.

Первым испытанием была деревня Угольная, отрезанная снегопадом от большой дороги. В холодных хатах лежало до шести сотен необработанных раненых. Наши пять врачей с трудом могли их только осмотреть, чтобы не пропустить кровотечение или газовую гангрену и успеть отправить на санях в перевязочную палатку. Смертность была большая. Настроение - соответствующее.

Весь год наш ППГ шел вслед за наступающими войсками. Условия были очень трудные: перегрузка, разрушенные села, работа в палатках, без электричества, плохая эвакуация.

Постепенно приспособились: научились сортировать, перевязывать, оперировать, лечить и эвакуировать. Большинство раненых привозили из дивизий на попутных машинах, а мы отправляли их в госпитали "второй линии", к железной дороге, что бы везти в тыл в санитарных поездах

Именно в такой роли нас застал конец 1943 года. Госпиталь развернули в большом украинском селе Хоробичи, рядом со станцией. Замерзших раненых привозили за сто километров целыми колоннами на открытых грузовиках, возвращавшихся с передовой. Мы снимали с машин только "лежачих", а тех, кто мог двигаться, отправляли в другой госпиталь, в соседнее село. Пока подошел санитарный поезд, у нас накопилось 2300 раненых: заняли школу и около четырехсот хат. Хорошо, что жителей не отселяли, как это было в Угольной, и женщины - хозяйки помогали нашим временным санитарам из легкораненых, которых мы, задерживали на время лечения. В Хоробичах у нас была хорошая организация: сортировка при поступлении, обходы и перевязки на дому, быстрая доставка в госпитальное отделение для операций. Все вместе позволило избежать (почти избежать!) смертей от "пропущенных" кровотечений и острой инфекции. В декабре пошли санитарные поезда и мы отправили почти всех раненых .

1944 год прошел относительно легко. Мы начали его вблизи Гомеля в поселке Буда, при станции снабжения армии. Для госпиталя отремонтировали школу и вместе с палатками, получили до пятисот мест. Поезда приходили регулярно, и трудностей с эвакуацией не было.

Там же произошло событие: я женился на операционной сестре Лиде Денисенко. Она пошла на войну добровольно после третьего курса пединститута и служила в Медсанбате. Осенью

1941-го их дивизия была окружена и Лида месяц блуждала по лесам с группой солдат. Через линию фронта их переправили партизаны. Из Москвы ее командировали к нам. Была отличная операционная сестра и красивая девушка. Наш роман тянулся полгода, пока оформили брак в городе Речица. Еще до того пришло письмо от Гали: она служила на Северном флоте, вышла замуж и ждала ребенка.

В Буде получил извещение из Москвы, что на мою диссертацию дан отрицательный отзыв: ученая карьера пока не состоялась.

Летний прорыв наших войск в Белоруссии мы встретили в местечке Пиревичи. Раненых было не очень много. Войска быстро пошли вперед, и мы догнали фронт только осенью, в Польше. После нескольких переездов с напряженной работой, подошли к границе Восточной Пруссии.

Встречу 1945-го года отпраздновали в лесу, в землянках. 15 января началось последнее наступление на Германию. Оборону немцев прорвали быстро, раненых получили всего около двухсот, обработали, наложили гипсовые повязки и отправили.

Несколько раз переезжали по территории Восточной Пруссии, почти не работая. Условия были отличные: все немцы выехали, городки и поселки были пусты, хозяйственного имущества ("трофеи наших войск") - сколько угодно.

В городе Эльбинг мы встретили День Победы, имея 18 тяжелораненых.

В штабе армии получили медали и ордена, при нашем госпитале провели армейскую конференцию, месяц ждали решения судьбы, потом сдали лошадей, погрузились в эшелон и поехали домой. Когда пересекли Волгу, надежды на демобилизацию растаяли. Видели, как на Восток непрерывно идут воинские эшелоны и все говорили, что будет война с Японией. После месяца пути через всю Россию выгрузились в Приморском Крае. Скоро разыскал Бочарова, он был главным хирургом армии, пришедшей, как и мы, с Запада.

В августе объявили войну. Мы приняли с десяток легких раненых на границе, и двинулись в Манчжурию. В это время американцы сбросили атомные бомбы и Япония капитулировала. После нескольких переходов и переездов, развернулись в городке Боли и даже приняли раненых, после короткого боя с японцами - смертниками.

В сентябре нас перевезли в район Владивостока. Здесь в течение месяца госпиталь расформировали: уехали санитары, потом сестры и женщины - врачи.

Так закончился славный путь ППГ 22-66.

За войну я стал опытным хирургом, мог оперировать в любой части тела. Особенно преуспел в лечении ранений груди, суставов и переломов бедра. К сожалению, перегрузки, постоянные переезды и необходимость эвакуации часто не позволяли доводить дело до конца, что бы получать полное удовлетворение.

У меня сохранились записи и отчеты за всю войну. По свежей памяти, еще на Дальнем Востоке, написал несколько научных работ, вторую диссертацию, а спустя тридцать лет - воспоминания: "ППГ 22- 66".

Раненых прошло чуть больше 40 тысяч. Почти половина - тяжелые и средней тяжести: с повреждением костей, проникающими ранениями груди, живота, и черепа. Умерло свыше семисот: огромное кладбище, если бы могилы собрать вместе. В нем были и могилы умерших от моих ошибок.

Мнение о войне. Позорное начало на совести Сталина и генерального штаба во главе с Жуковым. В 1941 году для обороны сил было вполне достаточно: не было организации. В последующем, в ходе всей войны, победы достигались огромными потерями - в 3-4 раза превышавшими потери немцев. Оправдания этому нет, поскольку после 1942 года исход войны уже был предрешен: оружия делали в несколько раз больше чем Германия, союзники помогали, людские резервы еще были. Несомненной заслугой Партии является организация тыла: эвакуация заводов на восток и наращивание производства. Солдаты и офицеры делали свое ратное дело отлично. Так же отлично работали граждане в тылу. В целом, война сплотила народ и позволила на некоторое время даже забыть о прежних репрессиях. Довольно скоро нам напомнили: отправили в лагери всех наших бывших военнопленных.

После расформирования ППГ-22-66 нас с Лидой направили в другой госпиталь и вместе с ним мы снова попали в Манчжурию - лечить японцев больных тифом в лагере военнопленных. Там мы встретили 1946 год, но уже в феврале Бочаров отозвал меня и назначил ординатором в Окружной госпиталь. Тогда же я встретился с Кириллом Симоняном - дружили до смерти.

Врачу, молодому мужчине, уйти из армии с Дальнего Востока можно было только по блату. Когда поехали в отпуск, в Москву, летом 1946 года, Бочаров дал письмо к С.С.Юдину, академику, с просьбой помочь. Юдин отказал, но меня спас инженерный диплом и министр медицинской промышленности. Он обратился к военному начальству, что бы меня отпустили для министерства. Подействовало. Тогда же Юдин пообещал работу в Институте Склифосовского.

Для оформления отставки пришлось снова ехать на Восток.

Там, за два месяца ожидания, написал еще одну - третью уже - диссертацию о ранениях коленного сустава.

Лиду восстановили в пединституте, а меня Юдин назначил заведовать операционным отделением: там было много неработающих аппаратов - задача для инженера. В военкомате получил паек и карточки. Нашли комнату - 4 квадратных метра.

В Москве прожили только до марта 1947 года. Работа не нравилась: техника не интересовала, а оперировать не давали. Смотреть чужие операции надоело. Без хирургии Москва не прельщала. Задумал уезжать.

Работу устроила наша бывшая госпитальная старшая сестра из Брянска, Л.В.Быкова. Меня взяли главным хирургом области и заведующим отделением в Областную больницу. О таком месте не смел даже мечтать!

Брянск. Шесть лет прошли, как в сказке. Отличная работа, отличные люди: помощницы - врачи из бывших военных хирургов и администрация больницы. Но главное - работа. Много сложных больных и новых операций - на желудке, на пищеводе, на почках, - во всех областях тела. Но самыми важными были резекции легких - при абсцессах, раках и туберкулезе. Их я никогда не видел, методику разработал самостоятельно и за четыре года прооперировал больных больше всех хирургов в Союзе.

Работа в области с районными хирургами тоже была интересна: нужно проверять и учить, Много ездил, проводил конференции, показывал операции. Авторитет завоевал, хотя вначале был неприлично молод для такой должности.

Диссертацию (третью) защитил в 1948 году в Горьком. Через год уже выбрал тему для докторской: "Резекции легких при туберкулезе". Оперировал много и в 1952 году диссертация была готова. Академик А.Н.Бакулев труд одобрил, прослушав мой доклад на конференции по грудной хирургии в Москве.Лида работала старшей операционной сестрой и кончила пединститут заочно. Однако, учительницей быть не собиралась. Говорила - "Хочу стать хирургом!"

Тут подвернулся Киев: сделал в Институте Туберкулеза доклад и показал операции. Директор А.С.Мамолат пригласил работать, министр обещал открыть еще отделение в госпитале для инвалидов войны.

Очень не хотелось уезжать из Брянска! Но куда денешься? Жена поступила в Киевский Мединститут. Возможностей для карьеры в области не было. Решился, и в ноябре 1952 - переехали. Диссертацию подал еще из Брянска - и снова в Горький.

Киев. Сначала все не нравилось: квартира - одна комната, хирургия бедная, работал в двух местах, больных мало,

помощники ленивые. Очень тосковал, ездил в Брянск оперировать. Постепенно проблемы разрешились. В марте 1953 защитил диссертацию. С малым перевесом голосов, но все же выбрали на кафедру в Мединституте. Здесь была новая клиника, сложные больные, выступления на обществе хирургов. Двое помощников приехали из Брянска. Квартиру улучшили. Работа пошла.

В январе 1955 сделал доклад по хирургии легких на съезде в Москве: имел успех. Тогда же начал простые операции на сердце. Лида училась нормально.

Ездил с докладами на конгрессы в Румынию и Чехословакию.

В 1956 произошло событие: родилась дочь Катя. Беременность Лиды шла с осложнениями, поэтому делали кесарево сечение. До того, за двадцать лет семейного стажа потребности в детях не ощущал. Лида настояла. Но как увидел это маленькое, красненькое, хлипкое существо, так и понял - кончилась свобода, уже не сбегу. Какие бы сирены не обольщали.

В том же году нам дали трехкомнатную квартиру - первую в жизни с ванной и уборной.

Мединститут Лида закончила в 1958 году. Исполнилось желание - стала хирургом, оперировала даже легкие. К сожалению, через семь лет случился инсульт у матери, три года лежала парализованная. Пришлось Лиде ухаживать и перейти на легкую работу - на физиотерапию.

1957 год был очень важный: в январе клиника переехала в новое трехэтажное здание, а осенью я ездил на конгресс хирургов в Мексику. Там увидел операцию на сердце с АИК (Аппаратом Искусственного Кровообращения) и очень увлекся. Поскольку купить аппарат было невозможно, то разработал собственный проект - его сделали на заводе: наконец, пригодились инженерные знания. В следующем году провели эксперименты на собаках, а к концу года попробовали на больном: у него случилась остановка сердца при обычной операции. Больной умер. После этого еще год экспериментировали. В 1959 году удачно прооперировали мальчика с тяжелым врожденным пороком сердца - так называемой "Тетрадой Фалло".

С 1958 года началась наша "кибернетика". Сначала это была лаборатория для отработки операций с АИК, потом присоединили физиологические исследования сердца с участием инженеров и математиков. В Институте Кибернетики создали специальный Отдел. Собрался коллектив энтузиастов.

В течение следующего десятилетия сформировались такие направления в развитии идей, которые зародились еще в Череповце. 1.Регулирующие Системы организма - от химии крови,

через эндокринную и нервную системы до коры мозга. 2.Механизмы Разума и Искусственный Интеллект (ИИ) 3.Психология и модели личности. 4.Социология и модели общества. 5.Глобальные проблемы человечества. По всем направлениям были созданы группы, проводились исследования, создавались компьютерные модели, писались статьи. Защищено два десятка диссертаций, издано пять монографий и много брошюр. Коллектив распался в девяностые годы, в отделе осталась только группа по ИИ с которой дружу до сих пор.

В 1962 году, с академиком П.А.Куприяновым, мы совершили турне по клиникам США: познакомились с известными кардиохирургами - Лилихаем, Кирклином, Блэлоком и другими, посмотрели много новых операций. Некоторые из них остались в моем арсенале, другие - закончились печально. В частности,это коснулось пластики аортального клапана створками из нейлоновой ткани: у всех восьми больных наступил рецидив и пятеро погибли. Была настоящая драма.

В тот год проблема протезов клапанов вышла на первое место. Американец Старр создал шаровой клапан, в нашей лаборатории - свою модель - из полусферы, дополненной специальной обшивкой корпуса препятствовавшей образованию тромбов. Интересно, что Старр придумал то же самое и почти в то же время.

С 1962 года началось восхождение моей карьеры сразу по нескольким линиям. Причем без всяких усилий с моей стороны: я свято следовал правилу М.А.Булгакова: "Никогда, ничего не проси".

Коротко перечислю карьерные успехи.

В начале 1962 года меня избрали членом- корреспондентом Академии Медицинских Наук. Предложил сам президент, А.Н.Бакулев. Затем в тот же год присудили Ленинскую премию - в компании четырех легочных хирургов. Следующий чин, уже совсем неожиданный - избрание депутатом Верховного Совета СССР. Вот так это было: вызвали в Обком и сказали: " Есть мнение выдвинуть вас в депутаты. Народ поддержит". Я деликатно отказывался, мне действительно не хотелось, но настаивать побоялся: все под Партией ходим! Попадешь в немилость - работать не дадут.

В депутатах я пробыл четыре срока. Заседаниями не обременяли - дважды в год по 2-3 дня: сиди, слушай и голосуй единогласно. Но была серьезная обязанность: принимать граждан и помогать в их трудностях. Я честно отрабатывал - вел прием раз в неделю. Приходили по 4 - 10 человек, в основном по квартирным вопросам. Писал бумаги к начальникам, и как ни

странно - в половине случаев помогало. Приемы эти были тягостные: горя наслушался свыше меры, в дополнение к хирургическим несчастьям. Все доходы депутата составляли 60р. в месяц, один только раз ездил с дочкой на курорт. Правда, были бесплатные билеты на транспорте, но зато не брал командировочных денег в институте.

Чтобы больше не упоминать о чинах и наградах, перечислю сразу все последующие: 1969 - академик Украинской АН. Потом - три государственные премии Украины - за хирургию и кибернетику. В 60 лет дали Героя Соцтруда. Потом еще были ордена Ленина, Октябрьской революции. Это не считая четырех орденов за войну, звания Заслуженного деятеля науки. Вот так обласкала Партия беспартийного товарища. Но значков на пиджак не вешал.

Моя совесть перед избирателями чиста: не обещал, не лгал, коммунистов не славил. То же касается и больных: никогда ничего не брал и даже в вестибюле висело распоряжение: "Прошу не делать подарков персоналу, кроме цветов".

Что касается фрондерства к властям, то преувеличивать не буду: против не выступал. Крамольные книжки из-за границы возил во множестве, пользуясьдепутатской неприкосновенностью, но держал под замком.

Был ли я "советским человеком"? Наверное, все-таки - был. Менять социализм на капитализм не хотел. Завидовал западным коллегам по части условий работы, но что бы уехать - мысли не возникало. Несмотря на правителей-коммунистов, наше общество выглядело более человечным. Права бедного народа на работу, пенсию, соцстрах, лечение, образование, почти бесплатные квартиры и транспорт, казались важнее свободы прессы и демонстраций против правительства. Они ведь нужны только кучке интеллигентов. Тем более, когда открытые репрессии после Сталина резко уменьшились. Истинное положение "трудящихся" на Западе я узнал много позднее. Пересмотр политических взглядов произошел уже после Горбачевской перестройки.

Писатель. Однажды осенью 1962 года, после смерти при операции больной девочки, было очень скверно на душе. Хотелось напиться и кому ни будь пожаловаться. Сел и описал этот день. Долго правил рукопись. Выжидал. Сомневался. Через месяц прочитал приятелю - писателю Дольду-Михайлику . Потом другу - хирургу, еще кому-то. Всем очень нравилось. Так возник " Первый день" в будущей книге "Мысли и сердце". Дольд помог напечатать в журнале в Киеве. Перепечатали в "Науке и жизни". Потом издали книжечкой. Потом - "Роман газета". И еще, и еще. Все вместе: большой успех. Писатель Сент-Джордж, американец

русского происхождения, перевел на английский. С него - почти на все европейские языки. В общей сложности издавали больше тридцати раз. Правда, денег платили мало: Союз не подписал конвенции о защите авторских прав. Знаменитым - стал, богатым - нет.

Понравилось: до сих пор пишу, хотя уже не столь успешно. Издал пять книг беллетристики: "Мысли и сердце", "Записки из будущего", "ППГ- 22-66", "Книга о счастье и несчастьях". Последнюю - воспоминания - "Голоса времен" напечатали к юбилею - 85 лет. К этому стоит добавить еще одну - "Раздумья о здоровье" - изложение моей "Системы ограничений и нагрузок". С учетом массовых журналов, ее тираж достиг семи миллионов. Примерно столько же, как " Мысли и сердце".

Летом 1963 года потрясло страшное несчастье: взрыв в камере. Камера 2 на 1,5 м была изготовлена для проведения экспериментов и операций на больных с кислородным голоданием. Завод изготовитель допустил грубую ошибку: камеру заполняли кислородом с давлением до 2 атмосфер. Физиологи из лаборатории кибернетики делали в ней опыты на собаках. Три - четыре раза врачи лечили больных. Сам однажды участвовал в таком сеансе.

Внутри камеры стоял один электирический измерительный прибор. Видимо, от искры, в атмосфере кислорода, прозошло взрывное возгорание. Две девушки - экспериментаторы получили сильнейшие ожеги и через несколько часов скончались. Приезжал прокурор, но до суда дело не довели. Я считал себя виноватым: допустил халатность, не вник в технику безопасности. Переживал. До сих пор казнюсь.

В последующем сделали еще одну камеру - но уже на воздухе. Лечили больных с осложнениями после операций, однако без большего успеха.

Пересадка сердца. Когда Бернар пересадил сердце - это был вызов всем кардиохирургам. Я знал, что мой уровень ниже мирового, но все же решился попробовать. Техника операций не казалась очень сложной. Прочитал, продумал, и начали готовиться. Главная проблема - донор. Нужно бьющееся сердце при погибшем мозге. Сделали заказ на скорую помощь, что бы привозили раненых с тяжелейшими травмами черепа: мы обследуем и решим, если мозг умер, возьмем сердце для пересадки. Реципиента подобрать не трудно: есть больные с поражением миокарда, которых ожидает близкая смерть.

Приготовили стерильную палату, выделили маленькую операционную. Начали эксперименты на собаках - удавалось пересадить сердце и убедиться, что оно работало. Правда, не

долго, всего несколько часов.

Положили больного - реципиента. Стали ждать донора. Через пару недель привезли молодую женщину после автомобильной аварии: сердце еще работало, а голова сильно разбита. На энцефалограмме - прямая линия. Консилиум невропатологов решил: мозг погиб. Разыскали родственников, нужно их согласие. Конечно - мать плачет, муж молчит. Был тягостный разговор. Просили подождать: "А вдруг она не умрет, сердце же работает". Приготовили АИК - что бы оживлять сердце, как только начнет останавливаться и родные дадут согласие. Ждали несколько часов, пока стало ясно - бесполезно. Умирающее сердце пересаживать нельзя. У меня не хватило мужества оказывать давление на родных. Объявил отбой, и больше опыт не повторяли. Ясно, что не смогу переступить через психологический барьер.

Академия построила новый жилой дом, заслуженные академики в него переехали, а нам в старом доме дали квартиру: 85 метров, четыре комнаты, высокие потолки. Сделали ремонт, купили мебель, книжные полки. Выставил с антресолей все книги - это 6-7 тысяч, повесил на свободную стену две картины - получился интеллектуальный профессорский кабинет. И до сих пор нравится.

В 1970 году Катя поступила в мединститут. В 15 лет: в один год сдала за три последние класса школы.

Любовь к дочке была самым сильным чувством в моей жизни. Воспитывал ее по науке: в три года умела читать, рано пристрастилась к книгам, с четырех - английский. Театры, музеи, выставки, поездки в Москву, в Ленинград, даже в Германию. А главное - разговоры и любовь.

Не все шло безоблачно: после первого курса был нервный срыв. Московские психиатры чуть не залечили психотропными средствами. Вмешался, забрал домой, все отменил, взял в клинику операционной сестрой на свои операции. Выправилась, но год потеряла.

Перечислю важное о Кате. Вышла замуж на последнем курсе, закончила с отличием, поступила в аспирантуру по терапии, защитила кандидатскую, потом - в 33 года - докторскую. Родила дочку - Анюту, получила кафедру, написала четыре книжки и много статей, подготовила два десятка диссертантов. Последнее событие - в 2000 году - избрали в член-корреспонденты Медицинской Академии. Муж - профессор хирург. Вот такая получилась дочь. Горжусь.

В том же 1970 году было еще событие: Лида взяла собаку, сучку трех месяцев, доберман-пинчер, назвали -Чари. Собака мне

была не нужна, Лида взяла для себя. Однако пришлось ее выгуливать и она стала мне, как близкий друг. На девятом году жизни, я не досмотрел, случилась первая беременность, не могла родить, сам оперировал дома, щенята были мертвые. Погибла от пневмонии. Три дня от нее не отходили. Очень переживали. И тут же взяли такую же - "Чари вторую". Эта жила десять лет, так же любили. Умирала от рака, очень тяжело. Больше брать собак не решились: слишком много переживаний, когда умирают.

Чари побудила меня бегать, что бы рационально использовать время отведенное для гулянья.

Физкультура для меня - одна из основ жизни. Придется рассказать историю. В раннем детстве я рос один и " программы" физического развития не отработал. Труд в хозяйстве прибавил силы, но не дал ловкости: плавать, танцевать и ездить на велосипеде не научился. С уроков физкультуры сбегал в школе и в институте. Но всегда был здоров. На войне впервые был приступ радикулита, потом он часто повторялся, возможно, от длительных операций. В 1954 стало совсем плохо: на рентгене определились изменения в позвонках. Тогда я и разработал свою гимнастику: 10 упражнений, каждое по 100 движений. Это помогло. Чари добавила утренние пробежки. Система дополнилась ограничениями в еде: строго удерживал вес не более 54 кг. Продумал физиологию здоровья и получился "Режим ограничений и нагрузок" - любимая тема для публики.

О лекциях стоит сказать особо. К публичным выступлениям пристрастился в конце 60-х годов. Наверное, мне льстили аплодисменты, и возможность говорить на грани дозволенного - надеялся, что депутатский статус защитит от КГБ. Сначала выступал от общества "Знание", а когда прославился, приглашали всюду, в Москву, Ленинград, Прибалтику. На Украине объездил все области: приезжал на один день и прочитывал три лекции. Темы были самые разные: от "здоровья" до социализма и Искусственного Интеллекта. Платили по 40 рублей за лекцию, но и те годились на "левые" (мужские) расходы.

Из лекции родилась книжка "Раздумья о здоровье", о которой уже упоминал.

Новая клиника. В конце шестидесятых годов трехэтажный дом стал для нас тесен. Высшее начальство решило построить еще одно большое здание. Проектировали долго. В 1972 начали строить, и через три года закончили. Большой дом в шесть этажей с операционными, конференц-залом с расчетом на 350 кроватей. Старое здание оставили под поликлинику, рентген и аптеку. Расширили штаты, набрали выпускников из института. Получилось хорошо. К 1980 году количество операций довели до

2000, из которых 600 - с АИК.

Результаты, однако, не радовали, настроение было плохое, хотя я оперировал ежедневно.

В 1981 году, при моем неохотном согласии, Лида купила под дачу вполне приличный дом, в поселке за полсотни километров от города. Я приобщился к дачной жизни только через год - понравилось бегать в лесу и столярничать вмастерской. В институт ездил на электричке.

В июле того же 1982 года произошел очередной душевный кризис: часто умирали больные. Объявил, что на все лето бросаю хирургию и буду заниматься только кибернетикой. Жил на даче три месяца - делал модели общества и ездил на семинары в своем отделе.

Только в ноябре начал понемногу оперировать. Постепенно все вернулось к прежней жизни.

Институт. Летом 1983 года произошло событие: наша клиника отделилась от Тубинститута и превратилась в самостоятельный Институт сердечно- сосудистой хирургии. Для этого мне пришлось идти в ЦК партии Украины, к В.В.Щербицкому. По его же настоянию меня назначили директором. Не хотелось, но дело важнее - отказаться не смог.

Организация института прошла легко. Поставил сверхзадачу: 4000 операций в год, 2000 - с АИК.

В декабре отпраздновали мой юбилей - 70 лет. Была научная конференция, много гостей.

Институт сразу заработал хорошо, число операций возросло.

Тут началась горбачевская перестройка - гласность. Вдохнули маленький глоток свободы. Очень нравилось. Выписывал массу газет и журналов. При публичных выступлениях уже не оглядывался на Партию и КГБ.

Болезнь. Все беды приходят неожиданно: на фоне обычного режима, летом 1985 начались перебои в сердце. К осени развился полный блок: частота пульса - 40, бегать уже не могу. Нужен стимулятор, но я упорствовал, пока не развилась гипертония. Под новый год передал институт заместителю - думал,что насовсем, и поехал на операцию в Каунас, к Ю.Ю.Бредикусу. Лида и Катя поехали со мной.

Стимулятор заработал отлично и к середине февраля 1986 я вернулся: снова директорство, операции, бег.

Аварию в Чернобыле, в апреле 1986, семья пережила на даче, 50 км от злополучного места. Я с самого начала считал, что вредные последствия преувеличены: писатели и политиканы напугали публику и весь мир. В результате миллионы людей сделали невротиками на многие годы. Врачи тоже поддались

этому психозу.

В 1987 году в стране начались эксперименты: выборный директор, кооперативы, самостоятельность предприятий, советы трудового коллектива. Мы тоже добились хозрасчета, чтобы получать деньги от министерства не по смете, а за операции. Результат - количество операций с АИК почти удвоилось и приблизилось к двум тысячам. В полтора раза повысилась зарплата. Работать стало интереснее.

Между тем, в декабре 1988-го подошел юбилей: 75 лет. Решил оставить пост директора, но продолжать операции. Были трогательные проводы: чуть не расплакался.

Тайным голосованием из нескольких кандидатов, выбрали нового директора Г.В.Кнышова. Он и теперь работает.

Раз в неделю я оперировал с АИК. Но это была уже другая жизнь, скучная.

В стране господствовала эйфория демократии - свободно выбирали Народных Депутатов.

С 1962 по 1979 год я уже был членом Верховного Совета и тогда убедился, что это ширма для диктатуры Партии. Теперь, казалось, все будет иначе: народ получит реальную власть. Я - то знал, как ее нужно употребить. Поэтому, когда наши врачи выдвинули меня в кандидаты - я согласился. Было пять конкурентов, включая кандидата от КПСС, но я прошел в первом туре.

В мае 1989 г. был 1-й Съезд Народных Депутатов: две недели свободных высказываний, выступления Сахарова, отмена контроля партии, первый демарш прибалтов и многое другое.

Меня выбрали в Верховный Совет: нужно заседать непрерывно, как в настоящем парламенте. Я просидел три месяца и убедился, что эти пустые словопрения не для меня. В Киеве пытался проводить свою программу помощи медицине и школе и снова потерпел неудачу: порядки остались прежние, администраторы со всем соглашались, но ничего не делали. На депутатские приемы приходили по 30-40 человек, они уже не просили помощи, как раньше, а требовали. При публичных встречах народ резко критиковал власть. Депутатам тоже доставалось.

Осенью, по моей просьбе, московские врачи помогли освободиться от парламента - нашли аритмию. Но заседания и приемы избирателей остались. Загрустил. А что сделаешь?

Но все-таки, жизнь в Москве не прошла без пользы: Верховный Совет открыл доступ к статистикам и запрещенным книгам. Провел три большие социологические исследования через газеты, узнал настроения народа. Об этом опубликовал

несколько статей в газетах и журналах.

Самое главное: пересмотрел свои убеждения, убедился, что социализм уступает капитализму по эффективности. Частная собственность, рынок и демократия необходимы для стойкого прогресса общества. От этого выигрывают не только богатые но, со временем - и бедные.

Дальше следовали события 1991-92 гг: разгром Путча, распад Союза. Верховный Совет перестал существовать, Горбачев ушел в отставку.

Независимость Украины я приветствовал. Раз есть народ, есть язык - должна быть страна. Казалось, наступает новая эра.

К сожалению, надежды на процветание Украины и России не оправдались. Партийные начальники овладели демократической властью и государственной собственностью и наступил жестокий кризис всего общества. Производство сократилось в два раза, половина народа обеднели, социальные блага резко уменьшились из-за недостатка денег в бюджете. Распространились коррупция и выросла преступность. Народ разочаровался в демократии.

В 1992 году я подытожил свои философские идеи и написал статью " Мое мировоззрение". Ее напечатали в нескольких изданиях. Расширение и совершенствование этого труда продолжается до сих пор: издаются книги и брошюры.

В том же году закончились моя хирургия. Спустя два месяца после операции, от инфекции умерла больная, и я решил, что негоже в 80 лет оперировать сердце. В Институт стал ходить раз в неделю.

Осенью 1993 года сердечный стимулятор отказал и его заменили на новый. В декабре отпраздновали восьмидесятилетие. Получил очередной орден.

Скоро после юбилея стал замечать, что стал хуже ходить, хотя продолжал свою обычную гимнастику - 1000 движений и 2 км "трусцы". Почувствовал приближение старости. Тогда и решил провести эксперимент: увеличил нагрузки в три раза. Идея была следующая: генетическое старение снижает мотивы к напряжениям и работоспособность, мышцы детренируются, это еще сокращает подвижность и тем самым усугубляет старение. Чтобы разорвать порочный круг нужно заставить себя очень много двигаться. Что я и сделал: гимнастика 3000 движений, из которых половина - с гантелями, плюс 5 км. бега. За полгода я омолодился лет на десять лет. Знал, что есть порок аортального клапана, но не придал этому значения, пока сердце не мешало нагрузкам.

На таком режиме благополучие продолжалось 2,5 - 3 года, потом появилась одышка и стенокардия. Сердце значительно

увеличилось в размерах. Стало ясно, что порок сердца прогрессирует. Бегать уже не мог, гантели отставил, гимнастику уменьшил. Но работу за компьютером продолжал в прежнем темпе: написал две книги и несколько статей.

В 1997 году совместно с фондом член-корреспондента НАНУ, Б.Н.Малиновского провели большое социологическое исследование через украинские газеты - получили 10 000 анкет. В.Б.Бигдан и Т.И.Малашок их обработали. Основные выводы: народ бедствует, недоволен властями, пожилые хотят вернуть социализм, молодые - двигать реформы дальше. Такой же раскол по поводу ориентации Украины - на Россию или на Запад. Данные опубликовали, но полемики они не вызвали.

В зиму 1998 года состояние сердца еще ухудшилось. Ходил с трудом. Однако, за компьютером работал, написал книгу воспоминаний " Голоса времен".

В начале мая 1998 года Толя Руденко из нашего института договорился с профессором Кёрфером, из Германии, что он возьмется меня оперировать. Катя и директор института Г.В.Кнышов организовали эту поездку. Городская администрация согласилась оплатить расходы.

После этого решения воля к жизни упала, состояние ухудшилось и я ощутил близость смерти. Страха не испытал: все дела в жизни сделаны.

26-го мая Катя, Толя и я приехали в небольшой город Bad Oeynhausen, недалеко от Ганновера - в клинику Reiner Korfer. Обследование подтвердило резкое сужение аортального клапана и поражение коронарных артерий. 29 мая профессор вшил мне биологический искусственный клапан и наложил два аорто-коронарных шунта. Сказал, что гарантия клапану - пять лет. После операции были неприятности, но все закончилось хорошо.

Через три недели вернулись домой. Сердце не беспокоило, однако слабость и осложнения еще два месяца удерживали в квартире. Легкую гимнастику делал со дня возвращения. Осенью полностью восстановил свои 1000 движений и ходьбу. Не бегал и гантели в руки не брал. "Эксперимент окончен" написал в "Заключении" к воспоминаниям. Книгу издали ко дню рождения - в декабре минуло 85 лет. Снова было много поздравлений. И даже подарили компьютер.

Старость между тем снова догоняла: хотя сердце не беспокоило, но ходил плохо. Поэтому решил: нужно продолжить эксперимент. Увеличил гимнастику до 3000 движений, половину - с гантелями. Начал бегать, сначала осторожно, потом все больше, и довел до уровня "первого захода" - 45 минут.

И снова, как в первый раз, старость отступила. Снова хорошо

хожу, хотя на лестницах шатает. Сердце уменьшилось до размеров 1994 года. Одышки и стенокардии нет.

Живу активной жизнью: пользуюсь вниманием общества, даю интервью, пишу статьи. Подключился к Интернет.

Занимаюсь наукой: совершенствую "Мировоззрение" - обдумываю процессы самоорганизации в биологических и социальных системах, механизмы мышления, модели общества, будущее человечества. Мотивом для работы является любопытство и чуть-чуть тщеславия.

Знаю, что благополучие не стойко, скоро менять стимулятор, а потом, возможно - и клапан. Но смерти не боюсь - помню равнодушие к жизни перед операцией.

В мае приезжал на конференцию мой спаситель - Кёрфер. Мы принимали его дома, я рассказывал об эксперименте, показывал гантели. Он посмеялся, но не запретил упражнения и даже обещал прооперировать, если клапан откажет - в любом возрасте.

Заключение.

Так прошла жизнь. Что в ней было самое главное? Наверное - хирургия. Операции на пищеводе, легких, особенно на сердце, делал больным при угрозе скорой смерти, часто в условиях, когда никто другой их сделать не мог; лично спас тысячи жизней. Работал честно. Не брал денег. Конечно, у меня были ошибки, иногда они кончались смертью больных, но никогда не были следствием легкомыслия или халатности. Я обучил десятки хирургов, создал клинику, потом институт, в которых оперировано свыше 80 тысяч только сердечных больных. А до того были еще тысячи с другими болезнями, не говоря уже о раненых на войне. Хирургия была моим страданием и счастьем.

Все остальные занятия были не столь эффективны. Разве что пропаганда "Режима ограничений и нагрузок" принесла пользу людям. Книга "Раздумья о здоровье" разошлась в нескольких миллионах экземпляров. То же касается и повести "Мысли и сердце", которая была издана на тридцати языках. Наверное, потому, что она тоже замыкалась на хирургию. На страдания.

Кибернетика служила лишь удовлетворению любопытства, если не считать двух десятков подготовленных кандидатов и докторов наук.

Мои статьи и лекции пользовались успехом и льстили тщеславию, а участие в Верховном Совете было скорее вынужденным, служило поддержанию престижа клиники. Вреда людям оно не принесло, и пользы - тоже. Я не кривил душой, не славословил власти, но и против не выступал, хотя и не любил коммунистов - начальников. Однако верил в "социализм с человеческим лицом" пока не убедился, что эта идеология утопична, а строй неэффективен.

В личной жизни я старался быть честным и хорошо относился к людям. Они мне платили тем же. Однако, свои душевные качества не преувеличиваю: не герой и не борец за правду.

Если бы можно начать жить сначала - я выбрал бы то же самое: хирургию и в дополнение - мудрствование над "вечными вопросами" философии: истина, разум, человек, общество, будущее человечества.

Н.М.Амосов, 2001